

различия в восприятии двумя народами такого фрагмента языковой картины мира, как одеяния служителей веры, и способствует раскрытию национальных сторон языковой, духовной и материальной культуры индоевропейского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, Астрель, 2006. – Т. 1. – 1168 с. ; Т. 2. – 1168 с. ; Т. 3. – 976 с.
2. Знаменский П. В. История Русской Церкви / П. В. Знаменский. – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000. – 474 с.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Гофф Ле. – М. : Изд-во У-Фактория, 2005. – 560 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2-х т. – М., 1992. – 1232 с.
6. Словарь русского языка : в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1. – 1981. – 698 с. ; Т. 2. – 1982. – 736 с. ; Т. 3. – 1983. – 752 с. ; Т. 4. – 1984. – 794 с.
7. Христианство // Энциклопедический словарь : в 3 т. / Ред. кол. С. С. Аверинцев. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 1995. – 783 с.
8. Baumgartner E., Ménard P. Dictionnaire étymologique et historique de la langue française / E. Baumgartner, P. Ménard. – P., 1996. – 848 p.
9. Cayrou G. Le français classique. Lexique de la langue du XVII siècle / G. Cayrou. – P. : Didier, 1923. – 884 p.
10. Dubois J. Dictionnaire étymologique et historique du français / J. Dubois. – P. : Larousse, 2000. – 821 p.
11. Jacqueline P. Etymologique du français / P. Jacqueline. – P. : Le Robert, 1992. – 619 p.
12. Nouveau Petit Robert. – Paris : Le Robert, 2001. – 1088 p.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ “ДОМИНИРУЮЩЕЙ МАСКУЛИННОСТИ” В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ДЕНИСЕНКО Е. Н.

Московский педагогический государственный университет

Под стереотипом обычно понимаются упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой “картинки мира” в голове человека (pictures in our heads), формирующиеся под влиянием двух причин: использования принципа экономии усилий и защиты существующих групповых ценностей [2, с. 15].

Гендерные стереотипы мы, вслед за А. В. Кирилиной [3, с. 31–86], понимаем как культурно и социально обусловленные и прочно закреплённые в общественном сознании мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих по лов. Проблема гендерных стереотипов связана, с одной стороны, с более общей проблемой принадлежности человека к

определенному полу, а с другой – с проблемой стереотипности сознания. Стереотипы сознания всегда культурно маркированы и детерминированы. Стереотипы обыденного сознания определяются Е. М. Мелетинским как “мифообразующие структурные элементы бессознательного” [4, с. 120]. Они складываются из универсальных и регулярно повторяющихся образов, представляющих собой наиболее устойчивый элемент культурного пространства. Основной набор доминирующих символов и длительность их культурной жизни определяют пространственные и хронологические границы цивилизаций.

Стереотипы мужественности представляют собой набор фиксированных в культуре представлений, обусловленных принадлежностью к мужскому полу и находящихся своё выражение в различных формулах языка. Поскольку “мужественность” называет важную общечеловеческую категорию, составляющие ее стереотипы тяготеют к определенному универсальному нормативному канону – стереотипу “доминирующей” (гегемонной) маскулинности. Понятие “гегемонии”, впервые исследованное Р. Коннеллом [5, с. 41–65], отражает суть и содержание мужского превосходства и выражается в сочетании авторитета и маскулинности. Доминирование подразумевает как практику взаимоотношений между полами, так и отношения внутри мужского сообщества. Основные принципы, посредством которых происходит реализация данной гендерной модели на практике, представляют собой свод ограничений и предписаний, диктуемых стремлением соответствовать общечеловеческому или определенному отдельной культурой “идеалу” мужчины. Человеку, наделенному маскулинностью, свойственны храбрость, бесстрашие, решимость, стоицизм, отсутствие каких-либо эмоций, стремление к лидерству в профессиональной сфере и в сфере человеческих взаимоотношений. Стереотип “доминирующей маскулинности”, несомненно, является культурно и исторически обусловленным, и так называемые подстереотипы его составляющие, преломляются в разных культурах по-разному.

Оппозиция “мужчина-женщина” является фундаментальной бинарностью человеческой культуры. Существование в мире различных социальных характеристик мужчин и женщин и биологическое тождество людей свидетельствуют о том, что биологический пол не может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах. Напр., восточнославянские языки, как и английский не различают понятие Sex (биологический пол) и Gender (пол как социокультурная категория). Но гендерные системы различаются в каждом обществе, и в каждом из них мужское/маскулинное является первичным и доминирующим.

Язык предпочитает мужские формы при номинации лиц обоего пола: напр., в русск. языке – *аскет, банкир, идеалист, идеолог, изгой* и др., в англ. языке – *manager, slave-driver, spiv, spokesman, swindler, traveling salesman, taxi/truck driver* и др. Следует отметить, что такие наименования касаются всех сторон жизни общества. Они номинируют лиц по профессии, напр., в русск. языке – *антиквар, инкрустатор, индианист* и др., в англ. языке – *test pilot, town clerk, welder* и др.; по роду занятий или увлечений, напр., в русск. языке – *барыга,*

верблюжатник, индивидуал и др., в англ. языке – *scholar, trider, temp, trickter* и др.; по чертам характера, поведению, напр., в русск. языке – *аспид, балбес, болтун, лодырь, пустослов, вертопрах* и др., в англ. языке – *curmudgeon, tease, torturer* и др.; по физическими и интеллектуальным свойствам, напр., в русск. языке – *медведь, детина, недоумок, тупарь* и др., в англ. языке – *bozo, weakling, twerp, twit* и др.; по отношениям в коллективе, напр., в русск. языке – *изгой, инсинуатор* и др., в англ. языке – *conman, showman, sycophant, taskmaster* и др.; по убеждениям, напр., в русск. языке – *идеалист, иконоборец, интуитивист* и др., в англ. языке – *stoic, orangeman, schoolman* и др.; по способу и образу жизни, напр., в русск. языке – *аскет, гурман, барин* и др., в англ. языке – *knight, man about town, miser* и т. д.

Нет такого общества, где бы женщине отводилась первостепенная роль. И в матриархальных культурах, где женщины выполняли руководящие социополитические функции (например, у сарматов, ирокезов), мужчины играли исполнительную роль и не поработались как “слабый пол”. Рождение мальчика в семье всегда было предпочтительным, т.к. мужчина в доме считался главой семьи и ее кормильцем. Сохранение патриархальности семейных отношений играло огромную роль на протяжении долгого времени.

Европейская культура является гетеросексуальной и маскулиноцентричной. Практически все языки, действующие в патриархальном обществе, являются мужскими. Напр., на русскую и английскую гендерную культуру большое влияние оказало христианство, в котором мужчине имплицитно предписывается главенствующая роль.

У целого ряда народов само понятие “человек” ассоциируется только с мужчиной, т. е. согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному референту пола. В ряде европейских языков понятия “мужчина” и “человек” отождествляются, напр., немецкое *der Mann*, английское *a man*, французское *homme*, испанское *hombre*, украинское *чоловік* и др. (ср. образование слов с компонентом *man* в английском языке, напр., *mankind* – человечество, *Welshman* – уэльсец, *Irishman* – ирландец, *Frenchman* – француз, *spokesman* – братство, *chairman* – председатель). А. П. Нильсен выдвинула предположение, что часто слова, содержащие признаки мужского рода, имеют статус престижных [6, с. 32].

Язык, тяготея к мужским формам, приводит к тому, что в русском языке женщину можно назвать *мужичка*, приписывая ей чисто мужские качества. Данная лексема приобрела общеупотребительное значение и обозначает женщину с крупным телосложением или грубую женщину. В английском языке женщина как сильная личность приобрела наименование *strongman*.

В обществе наблюдается вседозволенность маскулинности, причиной которой является мужская физическая сила, интеллект, положение в обществе, социальный статус в роли главы семейства. В патриархальной гендерной модели мужчина часто играет роль соблазнителя, а женщина рассматривается как добыча, которая после охоты на нее становится малозначимой и ненужной. Мужская измена не рассматривается, как отход от норм семейной морали. Для мужчин намек на двойную жизнь не оценивается негативно либо носит

характер снисходительной укоризны. Так, напр., в традиционном восприятии русских *женолюб*, *бабник*, *дамский угодник*, *сердцеед*, *обворожитель*, *ловелас*, *повеса*, *кот*, у англичан *adulterer*, *casanova*, *red-blooded*, *lothario*, *lady-killer*, *red tape*, *debauchee*, *libertine*, *rounder*, *womanizer* – это всего лишь мужчина, равнодушный к противоположному полу.

Сопоставление репрезентантов “доминирующей маскулинности” в русском и английском языках показало, что если, напр., подразумеваются *учитель* или *учительница*, *альпинист* или *альпинистка*, *аспирант* или *аспирантка*, *вегетарианец* или *вегетарианка*, *виновник* или *виновница*, *экстремист* или *экстремистка*, *actor* или *actress*, *steward* или *stewardess*, *waiter* или *waitress*, *deacon* или *deaconess* и др., достаточно сказать *учитель*, *альпинист*, *аспирант*, *вегетарианец*, *виновник*, *избавитель*, *экстремист*, *actor*, *steward*, *waiter*, *deacon*, отдавая тем самым предпочтение мужчине.

В языке отражается “половое” разделение труда, которое позволило мужчине утвердиться в истории в качестве абсолютного субъекта. Несмотря на феминизацию современного общества, многие наименования профессий не имеют оппозиции по признаку “мужской: женский”: в русском языке – *авиатор*, *аудитор*, *атташе*, *бард*, *верхолаз* и др., в англ. яз – *fellow*, *publisher*, *shipbuilder*, *skipper*, *steeplejack*, *town crier*, *town planner*, *workman*, *uzirer* и др.

Женщина была признана мужчиной в качестве его второй половины. Гендерное неравенство вошло в культуру вместе с социальным прогрессом. В русском языке многие наименования женских профессий образованы на основе мужских при помощи суффиксов: напр., *аккомпаниатор* > *аккомпаниаторша*, *акробат* > *акробатка*, *автогонщик* > *автогонщица* и др. Однако, они функционируют, в основном, в разговорной речи. В английском языке формальными показателями женской профессии являются полуаффикс -women: *sportman* > *sportwomen*, *lollipop-man* > *lollipop-woman* и др., аффикс -ess: *steward* > *stewardess*, *author* > *authoress*, *waiter* > *waitress*, *shepherd* > *shepherdess*, *headmaster* > *headmistress* и др.; аффикс -trix: *administrator* > *administratrix*, *translator* > *translatrix* и др.

Наименования лиц по профессии, относящейся к службе в армии, в языках сохраняются, в основном, как наименования мужчин: в русск. яз. – *армеец*, *десантник*, *адмирал*, *адъютант*, *артиллерист*, *адмирал*, *воин*, *военачальник*, *военком*, *военрук* и др.; в англ. яз. – *adjutant*, *airman*, *captain*, *colonel*, *commander*, *gunner*, *lieutenant*, *scout*, *soldier*, *squaddie*, *warrior* и др.

Приоритетность “мужских” наименований нашла отражение в номинациях лиц, связанных с административной, политической и др. деятельностью: в русск. яз. – *атташе*, *банкир*, *воевода*, *визирь*, *эмир*, *эрцгерцог* и др., в англ. яз. – *repository*, *seafarer*, *sheriff*, *squire*, *statesman*, *trustee*, *umpire* и др. Следует отметить, что многие из перечисленных наименований в русск. яз. являются либо устаревшими, либо номинируют инокультурные реалии. В сфере религиозной деятельности, наряду с наименованиями служителей-мужчин православной, римско-католической, мусульманской и др. церковью, напр. в русск. яз. – *архиепископ*, *архиерей*, *архимандрит*, *архипастырь*, *епископ*, *иерарх*, *иерей*, *иеродьякон*, *иеромонах*, *имам*, *мулла*, *экзарх* и др., в англ. яз. – *cleric*, *hadji*, *rabbi*, *imat*, *mullah*, *clergyman*, *patriarch*, *prior*, *vestryman*, *pontiff*,

prelate, priest, fakir friar и др., фиксируются номинации священнослужителей, напр., англиканской церкви (Church of England), Шотландской церкви (Church of Scotland), свободных церквей (Free Churches) – церкви методистов, баптистской, пресвитерианской церкви, Объединенной реформированной церкви, Армии спасения, в которых признают священнослужителей обоих полов, традиционными “мужскими” наименованиями, напр., священнослужитель / *verger*, капеллан/*chaplain*, архидиакон/*archdeacon*, викарий/*vicar*, *curate*, священник /*incumbent* и др.

Многое в жизни общества и в языке его носителей объясняется культурными факторами. Гендерные отношения как элементы культуры отражены в языке. В русской и английской языковых традициях фактор преобладающей роли мужчин нашел яркое отражение. Так, показатель доминирующей маскулинности “сексуальная состоятельность и как обязательная составляющая агрессивность в ухаживании” репрезентирован в русских наименованиях *бабник, кот, казанова, селадон, жеребец, женолюб, кавалер, любовник, поклонник, самец, ухажер* и др.; в английских номинациях *ladies' man, don juan, womanizer, lady-killer, stud, woman-chaser, lover of women, admirer, boyfriend, amorous, lover, paramour, worshipper, virile man* и др.

Признак главенства мужчины “авторитет в семье, власть в своём доме” нашел выражение в наименованиях *батюшка, мужик, ирод, хозяин, домохозяин, домовладыка, тиран, old man, landlord, husbandman, tyrant* и др.

Составляющая доминирующей маскулинности “умение реализовать себя вне дома, самоидентификация в окружении себе подобных” нашла выражение в русских и английских наименованиях *аксакал, панибрат, собрат, рубаха-парень, yuppie, daddy, lad, bigwig, big noise, big shot* и др.

В лексических единицах *лев, молодец, сокол, супермен, удалец, орел, сокол, храбрец, lion-hearted man, fast worker, lion, desperado* и др. представлена характеристика “проявление храбрости, стойкости, бесстрашия”.

Признак “экономическая независимость, способность зарабатывать, содержать семью” в русской лингвокультуре не имеет полного лингвистического выражения. В структуре значения может имплицитно наличествовать этот показатель, однако, он не является базовым в семантике, напр., *пшеничник* – местн. прозвище человека, живущего в достатке, *хозяин* – разг. муж как глава семьи; *домохозяин* – устар. хозяин крестьянского дома, глава хозяйства; *домовладыка* – устар. глава, хозяин дома, главное лицо в семействе и др. Во фразеологизмах и поговорках работоспособность как компонент доминирующей маскулинности представлен более полно: *мужика не год, а день кормит; мужик добрый – не проказник, работает и в праздник; мужика не шуба греет, а топор; мужик, умирать собирайся, а земельку наши* и др. В английском языке показатель обеспеченности эксплицитно репрезентирован в наименованиях *mogul, man of property, butter-and-egg man, fat cat, meal ticket*.

Такой показатель маскулинности как “независимость действия; восприятие брака как посягательства на личную свободу; неприятие зависимости от женского пола” отражается в русском и английском языках лексическими единицами, в значении которых имплицитно не приветствуется зависимость от

женщины: *подкаблучник, приймак, нахлебник, woman-hater, misogynist, henpecked.*

Сопоставление репрезентантов “доминирующей маскулинности” показало различие в мировосприятии носителей русского и английского языков. Так, если в русском языке номинациям мужчины, соотносимым с его отношением к труду, свойственны лишь негативные оценки (*барин, лодырь, шалопай, тунеядец, трутень* и пр.), то в английском языке зафиксированы мелиоративы *fine gentleman, man about town, beast of burden, willing horse* и др.

Как отрицание гегемонии мужчин воспринимается появление в английском языке наименований, которые отражают изменение социального статуса мужчины. Лексемы *new man, the house husband* номинируют мужчину, который способен вести домашнее хозяйство, выполнять “типично” женскую работу: готовить пищу, ухаживать за детьми. В английском языке фиксируется более 20 наименований мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации: *fag, faggot, roof, roove, pouf, nance, queer, fairy, pansy, queen* и др., что свидетельствует о более демонстративных гомосексуальных отношениях в английском обществе.

Определяя семантические характеристики, образующих “смысловой универсум русского языка” А. Вежбицкая выделяет в русскоязычном сознании любовь к морали [1]. Это наглядно иллюстрируется примерами функционирования лексических единиц, номинирующих мужчину. В русском языке преобладают наименования с резко отрицательной оценкой (*подлец, идиот, остолоп* и др.), которые в английском языке отнесены к табуированной лексике. Многие исследователи отмечают, что для английской культуры характерны игра слов, юмор, самоирония. Своеобразие английской культуры в рассматриваемой нами сфере заключается в некоторой доле ироничности, как бы взгляде со стороны, в то время как для русской лингвокультуры характерно более серьезное гендерное восприятие. Таким образом, в лексическом фонде русского и английского языков проявление стереотипа “доминирующей маскулинности” находит яркое выражение, имеющее общее для двух языков значение. Поставленные вопросы универсалий и национально-специфических черт в значении репрезентантов гендерных стереотипов требуют глубокого и всестороннего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Русский язык / А. Вежбицкая. – Режим доступа : http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/rl1.htm
2. Герасименко И. Е. Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики : автореферат дисс. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / И. Е. Герасименко. – М., 2009. – 47 с.
3. Кирилина А. В. Гендер : лингвистические аспекты / Алла Викторовна Кирилина. – М. : Изд-во “Институт социологии РАН”, 1999. – 180 с.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика Мифа / Елезар Моисеевич Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с.
5. Connell R. W. Gender and power : society, the person and sexual politics / R. W. Connell. – Stanford : Stanford University Press. – 1987. – 335 p.

ЛІНГВОЕПІСТЕМОЛОГІЧНА СПЕЦИФІКА НАУКОВИХ ДОСЛІДЖЕНЬ З ПОРІВНЯЛЬНО-ІСТОРИЧНОГО І ТИПОЛОГІЧНОГО МОВОЗНАВСТВА

ДЕНИСОВА С. П.

Київський національний лінгвістичний університет

Сучасна лінгвістика, як відомо, – продукт тривалого й досить суперечливого історичного розвитку лінгвістичного знання. Якщо первісні елементи лінгвістичного знання формувалися в процесі діяльності, пов'язаної зі створенням, вдосконалюванням і навчанням письма, складанням словників, тлумаченням священних текстів і текстів давніх пам'яток, пошуками шляхів найбільш ефективного впливу магічного слова в жрецьких обрядах і т.п., то поступово коло завдань розширювалося, аналізу зазнали всі нові й нові аспекти мови, будувалися нові лінгвістичні дисципліни, формувалися нові принципи дослідницької роботи. Тому сьогодні мовознавство, на думку багатьох дослідників, виступає як система, що поєднує в собі безліч лінгвістичних наук, які лише в сукупності дають нам досить повне знання про всі сторони людської мови взагалі й про всі окремі мови [1].

Так само різні національні мовознавчі школи формувалися в несхожих контекстах загальнонаукових і практичних ситуацій і зараз неоднаково ставляться до взаємодії із суміжними науками (філософією, гносеологією, культурологією тощо), тому в різних національних лінгвістичних традиціях далеко не завжди однакові набори лінгвістичних дисциплін, їх ієрархічне впорядкування, основні одиниці аналізу мови, об'єкти дослідження. Наприклад, вітчизняна германістика, романістика й т.п. нерідко будуються на основі цієї моделі, що їх робить почасти не схожими на германістику в Німеччині або романістику у Франції. Очевидно, що наш викладач теоретичних дисциплін (граматики, фонетики, лексикології та ін.), що готує фахівців з німецької, англійської, французької й ін. іноземних мов, не може не брати до уваги ці концептуальні й методологічні розбіжності. І водночас вітчизняне мовознавство в усі більшому ступені втягується в процес планетарної інтеграції лінгвістичної науки, стаючи усе помітніше частиною світового мовознавства [1; 3]. Усе це примушує лінгвістів останніх десятиліть лінгвісти все більш уваги звертати на методологію дослідження, презентуючи яку дослідник передусім оперує поняттями *парадигми* та *епістем*.

Якщо поняття *парадигми* вже увійшло до наукового обігу лінгвістів, які під ним розуміють: 1) спосіб пізнання та усвідомлення світу (напр., *порівняльно-історичне мовознавство, структуралізм, постструктуралізм*); 2) уявлення об'єкта науки в ракурсі поняттєвого апарату та процедур опису й аналізу певної течії, наукової школи (напр., *генеративна парадигма*); 3) зразок наукових уявлень і дій у певній період на певній території (напр., *радянська наукова*